

СЛУЧАЙ ИЗЪ СОЛДАТСКОЙ ЖИЗНИ.

Я стоялъ въ караулѣ у провіантскихъ магазиновъ, расположенныхъ за городомъ въ степи. Была зима. Еще съ утра поднялся довольно рѣзкій вѣтеръ, который, постепенно усиливаясь, взвивалъ облаками снѣгъ, крутилъ его въ воздухѣ, и быстрымъ летомъ своимъ снова уносилъ въ необозримое пространство снѣжной пустыни. Свирѣпыя порывы холоднаго, насквозь пронзающаго вѣтра бушевали около одинокой кордигардіи и тоскливый свистъ его, а порой тяжелое удушливое стенанье или вой навѣвали на душу какое-то непонятное уныніе и тоску. Ночь давно уже непроницаемымъ покровомъ своимъ опустилась на землю. И какая ночь! Бѣдные часовые, забившись въ будки, едва держа ружье въ оледенѣлыхъ рукахъ, ежились въ постовыхъ, скорбленныхъ морозомъ тулупахъ. Между тѣмъ, какъ яркій огонь и громкій говоръ товарищей, долетавшій до нихъ изъ караулни, заставлялъ ихъ сравнивать тепло и удобство сидѣнья около печки съ своимъ, далеко незавиднымъ положеніемъ. Какая скука стоять въ караулѣ, въ такую неспосную погоду! Не зная чѣмъ заняться, я пошелъ въ кордигардію, надѣясь среди оживленнаго говора солдатъ разогнать свою хандру. Огромная русская печка, стоявшая посреди комнаты, топилась, кидая яркій отблескъ на голыя почернѣвшія стѣны; воируемое вѣтромъ, пламя рисовало фантастическіе узоры на нихъ, освѣщая въ тоже время разнообразныя группы сидящихъ кругомъ солдатъ. Едва я вошелъ,

какъ разговоръ прекратился; я сѣлъ около печки, желая вполнѣ насладиться тепломъ; всѣ молчали, только слышенъ былъ глухой, однообразный вой вѣтра, хлопанье оторванного имъ ставня, да суетливые шаги по платформѣ промерзшаго часового.

— Ну ужъ и погодка! сказала солдатъ, называемый Остапюкомъ, сидя на лавкѣ, подвернувши ноги подъ себя, куря коротенькую трубку съ кривымъ чубукомъ и съ самодовольной улыбкой наслаждаясь своимъ бездѣйствіемъ.

— Да, скверная погода! отозвался въ отвѣтъ ему высокій и мрачный ефрейторъ, упершись руками въ подбородокъ и апатически смотря на узорные переливы огня по тлѣвшимъ угольямъ.

— Вотъ въ такую погоду на часахъ-то стоять, такъ ой, ой, ой, скажешься, братъ, вспомнишь, какъ звали дѣдушку, да сколько куръ было у бабушки! промодвилъ, отплюнувшись, Остапюкъ.

— Такъ что за бѣда, сказала ефрейторъ: — будешь стоять да и только, вотъ тебѣ и все!

— Ну стоять-то, конечно, будешь стоять, отстоишь, да и святое дѣло!

— Ну, такъ нечего и говорить объ этомъ! враждебно прервалъ ефрейторъ.

— Эка ты, штука какая, ты ужъ съ нимъ вотъ и не говори, да и что ты за птица такая? Али что ефрейторъ то? едва высунешь носъ на улицу, такъ поскорѣй и суешь его въ печь. А?!

Ефрейторъ холодно посмотрѣлъ на Остапюка, потомъ посмотрѣлъ въ печь и немного погодя сказалъ:

— Стояли, братъ, и мы вѣдь на часахъ-то, не по твоему, не лодарничали какъ ты, и много видали всякихъ разныхъ разностей на вѣку то!

— Много, братъ, ты видѣлъ всякихъ разныхъ разностей, это и по всему видно; недаромъ у тебя и морда то ряба, вѣрно чортъ въ нее спросонья плюнулъ!

Громкій хохотъ остальныхъ солдатъ прервалъ выходку Остапюка. Ефрейторъ не на шутку оскорбился; его сѣрые безжизненные глаза впились въ него съ какимъ то звѣрскимъ выраженіемъ.

— Чтожъ, ты это въ самомъ то дѣлѣ ругаешься тутъ, безмозглая луковица! Ты думаешь, что всѣ служили какъ ты, забившись въ бабью юпку.

— Болтай! хладнокровно замѣтилъ Остапюкъ. Языкъ то видно у тебя безъ костей! А на дѣлѣ то выходить, что мы больше твоего видывали, да молчимъ.

— Видывалъ ты, должно быть, много! покачавъ головой, съ насмѣшкой въ свою очередь, сказалъ ефрейторъ.

— То-то, что видывали, увѣрительнымъ тономъ говорилъ Остапюкъ.

— Да гдѣ ты видывалъ то?..

— Ну ужъ тамъ, братъ, гдѣ бы не видѣлъ, а видѣлъ; а вотъ еслибъ ты увидѣлъ то, что я видѣлъ, такъ просто, братъ, у тебя бы и глаза то на спину съѣхали!

Ефрейторъ былъ уничтоженъ. Смѣхъ товарищей пробудилъ его отъ обычной апатіи; самолюбіе, такъ безжалостно уничтожаемое Остапюкомъ, наконецъ заговорило въ немъ и требовало мести... Сколько мнѣ случалось видѣть, между солдатами сильно преслѣдуются всѣ странности. Воспримчивая русская натура, со всѣми ея оттѣнками и характерами, вполне отражается здѣсь; здѣсь истинный разгулъ простому русскому слову, которому нѣтъ подобнаго нигдѣ; оно такъ ярко блеститъ природнымъ умомъ, истиннымъ чувствомъ, неотразимымъ сарказмомъ, съ которымъ не сравниются никакія надутыя и утонченныя фразы великосвѣтскихъ господъ. Оскорбленный ефрейторъ гордо поднялся съ лавки и обратившись къ Остапюку, сказалъ:

— Что онъ все вреть: ничего не видывалъ; зналъ только убирать галушки въ своей Хохландіи! Коли ты видѣлъ чего нибудь, такъ расскажи намъ, тогда мы и повѣримъ. Да, впрочемъ, промолвилъ онъ немного помолчавши, обращаясь къ товарищамъ:—онъ, пожалуй, наскажетъ намъ воробья на соснѣ—онъ вѣдь мастеръ на это; пожалуй наболтаетъ, что и чорта за хвостъ поймалъ!

— Ну хоть чорта-то за хвостъ и не ималъ и на вѣдьмахъ не ѣздилъ, а съ мертвецами то дирался. Вотъ оно что, видишь! и Остапюкъ плюнулъ.

— Какъ же ты это съ мертвецами то дрался, Остапюкъ? спросилъ я, обрадовавшись случаю разогнать скуку: — расскажи-ко намъ, это должно быть очень любопытно.

— Да какъ, сударь, дрался? очень обыкновенно, тузилъ его съ права на лѣво, вотъ и все тутъ!

— Да нѣтъ ты, однакожъ, расскажи все такъ, какъ было, я тебя прошу!

— Извольте, сударь, расскажу, пусть онъ не хвастается, что одинъ видалъ разные виды, говорилъ онъ, указывая на безмолвно сидящаго ефрейтора. Остапюкъ всталъ, наложилъ трубку, закурилъ ее, потомъ медленно пошелъ къ ушату съ водой, смиренно стоявшему въ углу, и напившись изъ изломаннаго ковша, снова всталъ посреди собравшихся въ кучу солдатъ и припавши надлежащую позу, началъ рассказъ.

— Да, мудрена эта штука была! началъ Остапюкъ;— оно, конечно, хотя тутъ, такого нехорошаго ничего и небыло, а все таки можно было съ ума спятить, если-бъ этакъ маленько, я не на той точкѣ стоялъ. Ночь вотъ такая же была, какъ теперъ; бурянь, свѣту бѣлаго невидать. Ухъ ты, Господи, какая ночь была тогда, кажись еще и на свѣтѣ не было такой ночи! Баталіонъ нашъ стоялъ въ то время въ О^{***} и занималъ всѣ городскіе караулы. Вотъ разъ,—ужь вѣрно такая исторія подошла,—мнѣ и досталось въ караулъ въ госпиталь. Ну, думаю себѣ, это очень хорошо, тутъ хоть мерзнуть то небудешь; посты все тепловыя, а старшій же такой былъ добрый человѣкъ, что назначилъ меня къ какому то цейхгаузу, гдѣ стоятъ только ночью, а днемъ спать. А вѣдь извѣстно дѣло, наша солдатская натура таковаго разбору, что если не ходишь, такъ сидишь, а не сидишь такъ спишь, я и перевернулся на изнанку, изъ дня сдѣлалъ ночь, а ночь повернулъ на день; оно и хорошо бы вышло, еслибъ только ночью то солнышко свѣтило; ну а его, на этотъ разъ, и днемъ то небыло; думаю: обойдемся и безъ солнца! Выбралъ себѣ уютное мѣстечко, да и прикурнулся этакъ.

«Долго ли спалъ я, не знаю, только видѣлъ во снѣ, что все ко мнѣ какая та харя цаловаться лѣзла; ну я и плевалъ то и все то какъ слѣдуетъ дѣлалъ ей, нѣтъ нейметса, лезеть да и только! Фу, ты, Господи, вѣдь бываетъ же этакое съ человѣкомъ? Я взялъ да и проснулся! А ужь дня то какъ и небыло, это значить я проспалъ его.

«— Ну, братъ, старшій то мнѣ говорить, какъ меня увидѣлъ: неловко будетъ тебѣ стоять въ этакую погоду-то!

«— Да что за бѣда, Трифонъ Михѣичъ, вѣдь намъ не въ-первыя въ этакихъ то случаяхъ бывать, отстоимъ да и кончено дѣло!...

«— Ну то-то, говорить:—такъ собирайся, братъ, теперъ ужь пора идти, вѣдь скоро десятый часъ будетъ!

«— Ну пора, такъ пора. Надѣлъ тулупъ, окутался, взялъ ружье и пошли въ третій корпусъ, гдѣ чихаузь былъ.

«— Вотъ здѣсь, Остюпокъ, постъ твой! сказалъ старшій. Впустилъ меня, да на замокъ то и защелкнулъ. Я посмотрѣлъ: комната-то большая, пустая; ну и выходило, что бояться все-таки было нечего: госпиталь не баня, чертей въ немъ неводится—начальство не допускаетъ. А что все прочее, такъ просто дрянь и щонуть не стоитъ. Поставилъ я ружье, досталъ трубочку и запалилъ. Для какой бы это потребы поставили меня сюда, думаю; не можетъ быть, чтобъ такъ себѣ, только бы поставили! нѣтъ, тутъ можетъ быть и не очень великое, а что нибудь все-таки есть. Я взялъ фонарь и пошелъ осматривать комнату, да и увидѣлъ на полу какія-то фигуры, все въ бѣломъ. Что жъ бы это такое? Я, поставивши фонарь, давай шупать первую, что была поближе; потомъ и развернулъ. А ну тебя къ.... а передо мной мертвецъ; да рожа такая препоганая, страшная: синій весь, а очи-то выпучилъ! Пробрала меня тряса; а то чтожь, думаю, что и мертвецъ? Они вѣдь нашъ же братъ солдатъ, только люди-то ужъ будто неживучія. Души, значить, въ нихъ нѣтъ; и они, ей-Богу, ничего, такого нехорошаго, мнѣ не сдѣлаютъ! Я пошевелилъ каждаго за ноги и отправился на свое мѣсто къ двери. Присѣлъ къ порогу, да и жмурюсь, чтобы туда не смотрѣть, а все таки, и самъ уже не знаю почему, смотрѣлъ. Нѣтъ, страшно! Я попробовалъ: дверь заперта! «Господи, Иисусе Христе!» сказалъ я, да и давай крестомъ-то на всѣ четыре стороны, да и отмахивалъ, какъ можно по шире, чтобы носконная морда не могла проскочить никуда! Помолился, да и задремалъ было. А тутъ будто кто толкнулъ въ бокъ; выпучилъ я очи: а передо мной мертвецъ, да все ближе да ближе, да руки костлявыя протягиваетъ и вѣками хлопаетъ; а потомъ какъ гаркнетъ, да совсѣмъ не какъ человѣкъ! Я было за ружье—не заряжено! Я давай громко молитву читать да креститься, а вавкулака какъ захохочетъ, да меня за горло и ну душить! О, прескверная штука на свѣтѣ, это мертвецъ! Я ему въ харю и плюнулъ, а онъ все меня тащитъ, да душить, что и больно стѣло. Я и разсердился!

— Какъ не разсердиться! глубокомысленно замѣтили солдаты.

Осташокъ продолжалъ—«Да что жъ ты, бисовъ сынъ! сказалъ я. Мертвецы не дерутся, а этотъ меня въ ухо, и ударилъ меня совсѣмъ нехорошо, а я его, а онъ меня. Я жъ его за глот-

ку, да и давай тузить справо на лѣво. Да и здоровый же былъ мертвецъ: всилу его повалилъ.

«— Отпусти, говорить, товарищъ!

«— Брешешь! сказалъ я:—живой мертвому не товарищъ! Да и опять его тузить по всякому мѣсту. Вдругъ по корридору ша- ги, на смѣну идутъ. Мертвецъ зновъ рванулся отъ меня; да я та- ки, дай мнѣ Богъ здоровья, крѣпко держалъ его, хоть онъ и царапалъ меня по рукавъ зубами, да я думалъ: царапай, вражья сила, царапай! Какъ старшій вошелъ, да отступилъ назадъ, уви- давъ, что у меня морда побита и я самъ на мертвецъ верхомъ.

«— Что ты это дѣлаешь, Остапюкъ?

«— А ничего, Трофимъ Михѣичъ! вотъ этотъ вздумалъ на- водить на меня разные страхи; ну оно, конечно, я маленько и струсилъ сначала: извѣстное дѣло—мертвецъ. А какъ увидѣлъ, что онъ очень хорошо на кулачки лупится, то и себя въ обиду не далъ, и вотъ, видите чего я ему на его мертвой мордѣ по- наставилъ.

«Трифонъ Михѣичъ засмѣялся. Тотъ зновъ покойникомъ прикинулся. Когда жъ мы его скрутили и повели назадъ въ гос- питаль, то заговорилъ, да такъ жалобно: Отпустите меня, доб- рые люди! что я горько прослезился и пожалѣлъ, за чѣмъ такъ неловко побилъ ему морду.» — Этими словами кончилъ Оста- пюкъ разсказъ свой.

— Кто жъ это былъ—то? спросилъ я.

— Да кто, сударь! Крѣпостной арестантъ—онъ притворил- ся мертвымъ—то нарочно, чтобъ удобнѣе было бѣжать, а въ гос- питаль—то вѣрно этого не разсмотрѣли, да и сунули его въ эту горницу—то, что была вмѣсто ледника.... Вдругъ окликъ ча- соваго: «Кто идетъ?» прервалъ слова Остапюка; всѣ вскочили и стали строиться; я вышелъ, чтобы встрѣтить главнаго рунда; онъ, вошелъ весь занесенный снѣгомъ, и, росписавшись, сейчасъ же уѣхалъ, утомленный путешествiемъ въ такую скверную погоду.

Вольноопредѣляющійся Н. КАРЗУНОВЪ.